

ДЖЕРЕЛОЗНАВСТВО

**УДК 94(477.75) «1941/1945»
ББК 63.3(6Крм)622**

Олег Романько

Фонды Государственного архива в Автономной Республике Крым как источник по проблеме военного коллаборационизма советских граждан в период Второй мировой войны

У статті розглядається комплекс документів з фондів Державного архіву в Автономній Республіці Крим, присвячених проблемі воєнного колабораціонізму радянських громадян в роки Другої світової війни. Вперше зроблена спроба систематизувати ці документи, описати їх і проаналізувати тематику.

Ключові слова: *Державний архів в Автономній Республіці Крим, архівні фонди, воєнний колабораціонізм, радянські громадяни, Друга світова війна.*

Военное сотрудничество советских граждан с руководством нацистской Германии являлось одной из самых закрытых и малоизученных проблем в отечественной историографии Второй мировой войны. Поэтому неудивительно, что, начиная с момента распада СССР, были опубликованы сотни статей и монографий, освещающие различные аспекты этой проблемы. Во многих работах исследователей из стран СНГ на достаточно высоком уровне дан подробный анализ такого сложного общественно-политического явления как коллаборационизм, выяснены его причины, роль в истории войны и послевоенные последствия.

Тем не менее, нельзя не признать, что еще больше работ на эту тему носят поверхностный и непрофессиональный характер, а их авторы занимаются переписыванием фактов, в луч-

© Романько О., 2011

Романько Олег Валентинович - доктор історичних наук, доцент, завідувач кафедри філософії і соціальних наук Кримського державного медичного університету ім. С.І. Георгієвського

шем случае, из зарубежных монографий, а в худшем – друг у друга. Другим недостатком современной историографии данной проблемы является то, что изучаются, в основном, уже хорошо известные сюжеты (например, Власовское движение), тогда как многие другие, не менее важные, остаются вне поля зрения историков (например, то же Власовское движение, но уже на территории Крыма). Поэтому изучение и введение в научный оборот новых, еще неизвестных широкому кругу исследователей, источников из архивных хранилищ, является как нельзя актуальным для полноценного, всестороннего и правдивого освещения истории военного коллаборационизма.

Одним из таких хранилищ, которое содержит документальный материал по указанной проблеме, является Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК) в Симферополе. Однако, несмотря на свою научную ценность, он до сих пор остается малоизученным, то есть несистематизированным и неопианным. Таким образом, целью данной статьи является следующее: выделить группы источников по проблеме военного коллаборационизма советских граждан, которые отложились и хранятся в фондах ГААРК, затем охарактеризовать состав и проанализировать содержание основных из них, создав условия для дальнейшего научного и информационно-справочного использования.

В целом, материал по данной проблеме находится в 14 фондах ГААРК и является весьма разнообразным. По происхождению его можно классифицировать так:

- фонды советских партийных, государственных и общественных организаций (ф. П-1, ф. П-151, ф. П-156, ф. Р-652 и ф. Р-1289);
- фонды структур немецкого оккупационного режима (ф. Р-1466 и ф. Р-1655);
- фонды структур, созданных при оккупационном режиме или так называемых органов местного самоуправления (ф. Р-1315, ф. Р-1326, ф. Р-1346, ф. Р-1366, ф. Р-1457, ф. Р-1458 и ф. Р-1526)¹.

Тематика документов весьма разнообразна, однако, в целом, из нее можно выделить информацию о следующих аспектах интересующей нас проблемы. Это: (а) общие вопросы истории военного коллаборационизма; (б) органы полиции в

оккупированном Крыму; (в) подразделения Восточных легионов на территории полуострова; (г) Русская освободительная армия (РОА); (д) крымско-татарские формирования и ряд других, более мелких аспектов.

Охарактеризуем каждый из выделенных нами аспектов.

Общие вопросы истории военного коллаборационизма.

Этот комплекс материалов в количественном отношении самый незначительный. Однако он интересен уже тем, что представляет собой подлинные документы различных немецких военных и гражданских инстанций, которые попали в архив в качестве трофеев партизан или советских войск. Эти документы представляют собой: (а) общие указания по использованию коллаборационистских формирований из числа советских граждан; (б) указания по борьбе с партизанами, в которых обязательно присутствует раздел об использовании местных добровольцев; (в) документы и инструкции по применению коллаборационистов из других оккупированных регионов СССР, которые присылались в Крым в целях обмена опытом. Наиболее интересными эти документы являются с точки зрения того, какую роль отводило немецкое военно-политическое руководство коллаборационистам в войне против СССР, а также какой статус внутри германских вооруженных сил они имели².

Органы полиции в оккупированном Крыму. В данном случае речь идет о городской и сельской полиции, которая была создана немцами в период оккупации полуострова. Здесь, как и в предыдущем комплексе, мы также имеем дело с немецкими трофейными документами. Главным образом они представляют собой всевозможные распоряжения о создании и использовании полиции, правах и обязанностях полицейских, приказы об их награждении, материальном обеспечении и т.п.

Следующей частью этого комплекса являются документы о дислокации и численности полиции в разные периоды оккупации и в разных районах Крыма. Как правило, это донесения партизанских связных или разведчиков своему командованию.

Далее следует обратить внимание на коллекцию листовок, написанных как от имени оккупационных властей, так и от имени советской стороны. В первом случае немецкая администрация или местное самоуправление (часто от имени «русской полиции»)

призывали партизан сложить оружие. Иногда такие листовки выпускались по адресу населения с призывом не поддерживать партизан. Во втором же случае советские военно-политические органы или крымские партизаны обращались «к изменникам Родины и немецким прислужникам», призывая их «вовремя одуматься и прекратить служить немцам». Призывы же к мирному населению сводились к тому, что оно должно саботировать все мероприятия оккупантов, идти в партизаны, не идти в полицию и уничтожать полицейских и прочих «немецких прислужников». Из листовок и с той, и с другой стороны нельзя почерпнуть сколько-нибудь конкретную информацию по интересующему нас вопросу, однако представление о методах психологического воздействия на население и ходе психологической войны они дают в полной мере.

И, наконец, последняя часть комплекса – материалы, речь в которых идет об отношении населения Крыма, партизан и советского военно-политического руководства к мероприятиям немцев по созданию полиции вообще и к полицейским, в частности. Следует отметить, что наиболее полная информация о психологическом климате, который сложился на полуострове в годы оккупации, содержится в воспоминаниях и дневниках обычных мирных граждан, партизан и подпольщиков, которые были написаны после 1945 года по просьбе Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны. Немало места в этих материалах уделено отношению обычных граждан к «новой власти» и полиции, как одному из ее атрибутов. И, надо признать, что это отношение было не всегда отрицательным, как утверждалось в советской историографии³.

Подразделения Восточных легионов на территории Крыма. Это также не очень многочисленный комплекс документальных материалов. Тем не менее, его значимость для изучения истории оккупированного полуострова очень велика. Сразу оговоримся: привлекая только эти документы, невозможно реконструировать все события, связанные с использованием немцами на территории Крыма этой категории коллаборационистских формирований. Однако и без них картина будет далеко не полной. Так, вне поля зрения могут остаться такие вопросы, как дислокация, численный и национальный состав этих подразделений. Последнее, в данном случае, является наиболее интересным моментом, так как только из этих

документов (представляющих, главным образом, донесения партизанских связных и разведчиков), мы можем узнать, что на территории Крыма были дислоцированы части, укомплектованные грузинами, армянами, азербайджанцами, а также представителями народов Кавказа и Средней Азии. Что же касается поволжско-приуральских народов – еще одной национальной группы этих легионов, то на полуострове их не было.

Значительный интерес представляют листовки советского военно-политического руководства и крымских партизан, адресованные бойцам Восточных легионов. Некоторые из них написаны на двух языках: русском и языке той национальной группы, которой эта листовка предназначалась. Например, имеются экземпляры на грузинском и азербайджанском языках. По содержанию они идентичны листовкам, адресованным служащим полиции, однако имеются и некоторые особенности. Если полицейским советское руководство просто грозило и взывало к их «советскому патриотизму», то по отношению к легионерам использовался несколько другой прием, связанный с обращением к истории того или иного народа.

И эти листовки имели успех. Начиная с осени 1943 года, когда положение Германии на Восточном фронте значительно ухудшилось, легионеры стали поодиночке или группами переходить к партизанам. Информация о таких переходах занимает значительное место в донесениях партизан на «большую землю». Иногда в них упоминается не только численность и национальность перебежчиков, но и даже приводятся их имена. Следует отметить, что отношение населения к легионерам и «полицаям» было, в принципе, одинаковое. Партизаны же, наоборот, относились к первым более снисходительно, зачисляя их (иногда без проверки) в свои отряды. Что же касается чинов полиции, то в документах Крымского штаба партизанского движения и Крымского обкома Компартии Украины нередко упоминается о том, что «компетентные органы» настаивают на более бдительном отношении к этой категории коллаборационистов. Часто такая бдительность приводила к тому, что перебежчиков расстреливали, а некоторые даже убегали обратно к немцам. Причина такой дифференциации кроется в пресловутом национальном вопросе, который заметно обострился в годы войны⁴.

Необходимо сказать, что в этом комплексе материалов хранится уникальный, по своей сути, документ. Он посвящен мятежу в 804-м азербайджанском пехотном батальоне, который готовила существовавшая там подпольная организация. Заговорщиков кто-то выдал, немцы приняли меры, и мятеж не удался. Батальон был расформирован, а его личный состав направлен в лагерь. Некоторым, правда, удалось бежать. Они примкнули к партизанскому отряду и сражались в нем до полного освобождения Крыма. Вся эта история была записана с их слов. Уникальность же этого небольшого документа заключается в том, что информацию об этих событиях нельзя найти не только в украинских архивах, но и в бывших центральных, а ныне российских. Полный отчет о них хранится в фондах Федерального военного архива ФРГ во Фрайбурге, который, естественно, доступен не всем отечественным исследователям⁵.

Русская освободительная армия (РОА). Этот комплекс документов является наиболее информативным и содержит материалы, как общего характера, так и связанные непосредственно с Крымом.

Значительную часть материалов общей проблематики составляют листовки и другие пропагандистские материалы, адресованные бойцам Красной армии и советскому населению, в которых разъяснялось, кто и почему в действительности начал войну, за что борется РОА, и что надо делать, чтобы присоединиться к этой борьбе. По смыслу и содержанию листовки РОА были идентичны пропагандистским материалам, о которых говорилось выше. И интересны они могут быть только с точки зрения сравнительного анализа: как, например, немцы обращались к советскому населению и военнослужащим от своего имени, и как от имени «командования РОА». Более же подробная и ценная информация о роли РОА в пропагандистской войне Германии против СССР содержится в специальных изданиях, таких, как «Офицерский бюллетень РОА» и «Бюллетень добровольцев РОА». Эти органы выходили в Германии от имени «Русского комитета», «командования РОА» и тому подобных порождений психологической войны. В Крым они попали после начала здесь вербовочной компании в РОА⁶.

Как известно, искусство, во всех его проявлениях, в период войны также становится частью пропаганды. И пропаганда,

исходившая от РОА, не была в данном случае исключением. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы, хранящиеся в указанных архивных фондах. Такая пропаганда через искусство выражалась, в основном, в виде карикатур на высшее советское руководство и лидеров западных союзников, небольших произведениях художественной прозы, повествующих о боевых и мирных буднях солдат РОА, и, конечно, стихах. Последние являются наиболее интересным и оригинальным жанром данного направления психологической войны, так как среди этих стихотворений, наряду с заурядными агитками, можно встретить настоящую поэзию, свидетельствующую о том, что в РОА шли служить не только «подонки и отщепенцы».

Что же касается истории РОА на Крымском полуострове, то документы этого комплекса являются во многом уникальными. Подчеркнем, что, и по количеству, и по качеству информации, это очень значительный комплекс. Но, используя критерий происхождения, его можно поделить на две большие части. Это документы и материалы немецкой оккупационной администрации на территории Крыма, а также документы и материалы, вышедшие из среды крымских партизан и подпольщиков. Некоторая информация о крымских частях РОА содержится и послевоенных воспоминаниях граждан, переживших оккупацию, однако она является незначительной и может быть использована только в совокупности с вышеуказанными документами.

Документы органов немецкой оккупационной администрации представляют собой указания по использованию добровольцев РОА и отчеты о результатах этого использования. Интересно отметить, что офицеры-пропагандисты РОА использовались не только в антипартизанских операциях, но также и в пропагандистских мероприятиях, адресованных местным жителям. При этом, немцы преследовали свои, сугубо утилитарные, цели. Руководство же РОА видело свою цель не только в обычной пронемецкой пропаганде, но и пыталось играть самостоятельную роль. Так, одним из направлений работы ее пропагандистов стало распространение среди местного населения основ русского национального самосознания (во власовской интерпретации, конечно). То, что это происходило не всегда с согласия немецкого руководства, видно, например, из отчета Штаба пропаганды

«Крым», в котором выражена обеспокоенность в связи с распространением на полуострове идеи так называемой «третьей силы». Такое несовпадение целей и послужило причиной того, что немцы так и не дали РОА развернуться здесь в полную силу. Хотя, предпосылки для этого были.

О последнем факте, кстати, свидетельствует другая часть этого комплекса документов – материалы крымских партизан и подпольщиков. Прежде всего, они представляют собой донесения партизанских разведчиков и связных о дислокации и численности подразделений РОА в том или ином районе Крыма. Однако большая часть этих материалов посвящена усилиям партизан и подпольщиков по нейтрализации того пропагандистского эффекта, который производила РОА на местное население. С этой точки зрения данная информация является наиболее интересной, так как в советской историографии имело место мнение, что РОА не представляла собой сколько-нибудь значительной силы. С военной стороны это так и было. Политическая же сторона этого вопроса очень волновала советское руководство, хотя оно это усиленно скрывало. И комплекс материалов об истории крымских частей РОА яркое тому подтверждение.

В целом, всю тематику этих документов можно свести к трем пунктам: (а) разъяснение населению, что такое РОА, истинные цели ее создания; (б) приказы высшего советского военно-политического руководства и партизанского командования о срыве вербовки в РОА любой ценой и о дискредитации самой идеи этой армии среди населения; (в) отчеты партизан и подпольщиков о проделанной работе и ее результатах (в этом случае наиболее интересной является информация о настроениях среди личного состава частей РОА). Отдавая приказы об этих мероприятиях, советское военно-политическое руководство, само того не подозревая, выдавало свою озабоченность проблемой РОА вообще и в Крыму, в частности и признавало ее немаловажное значение в процессе воздействия на настроения населения.

Наконец, при изучении документов по истории РОА на территории крымского полуострова, нельзя не отметить такую деталь, как отсутствие упоминаний об участии ее солдат в карательных акциях оккупантов и зверствах над мирным населением⁷.

Крымско-татарские формирования. Не будет преувеличением сказать, что это наиболее значительный и уникальный комплекс документальных материалов ГААРК по проблеме коллаборационистских формирований. Другим его достоинством является то, что он отчасти систематизирован. Так, основная масса этого комплекса сосредоточена в двух делах: «Материалы о поведении крымских татар в период немецко-фашистской оккупации» и «Материалы о предательской деятельности татарских буржуазных националистов»⁸. Необходимо сразу сказать, что такое внимание советских архивистов к этим документам не было вызвано интересом к проблеме военного коллаборационизма. Эти дела были сформированы после депортации крымских татар в 1944 году, а материалы, хранящиеся в них, должны были показать причины этого мероприятия. Тем не менее, историку, работающему над указанной проблемой, трудно найти более интересную и подробную информацию, чем эта, так как копии многих документов по истории крымско-татарских формирований хранятся только в уже упоминавшемся Федеральном военном архиве ФРГ.

Проанализировав указанные фонды, можно сделать вывод, что, в целом, это: документы и материалы органов немецкого военно-политического руководства на территории Крыма, мусульманских татарских комитетов и крымских партизан и подпольщиков. Их тематика достаточно разнообразна и содержит в себе информацию:

- о военно-политических причинах и условиях создания этих формирований. В том числе, информацию о взаимоотношениях лидеров татарских националистов с германским военно-политическим руководством, роли мусульманских комитетов в процессе создания и использования коллаборационистских частей;

- об организации этих формирований. В том числе, информацию о методах и результатах вербовки в них, качестве завербованных добровольцев, численном составе и дислокации организованных подразделений, их номенклатуре, вооружении и снаряжении;

- о военно-политической подготовке личного состава. В том числе, информацию о работе немецких инструкторов, пропагандистском обеспечении добровольцев, роли ислама в этом обеспечении;

- о боевом применении этих формирований. В том числе, информацию о методах и принципах этого применения, его целях и задачах, основных направлениях. Среди последних осо-

бенно выделяются: борьба с партизанами, карательные экспедиции, охранная служба на военных и гражданских объектах, а также в концлагере на территории совхоза «Красный»;

- об итогах боевого применения и эффективности этих формирований. В том числе, информацию о боевых качествах и моральном состоянии крымско-татарских добровольцев, факторах, которые влияли на это.

Таким образом, используя эти документы и материалы, можно, в целом, реконструировать основные моменты истории этой категории коллаборационистских формирований на территории Крыма.

Выше уже говорилось о том, что значительную часть документов о крымско-татарских формированиях (впрочем, как и о других) составляют всевозможные указания, донесения, отчеты и т.п. крымских партизан и подпольщиков. Иногда, за неимением подлинных немецких документов, это единственный источник информации по целому ряду аспектов истории Крыма в период оккупации. Поэтому, при их использовании, подходить к ним следует очень осторожно, перепроверяя, если это возможно, содержащуюся в них информацию. Однако нельзя согласиться и с теми авторами, которые полностью отрицают правдивость документов из этих источников, лишь по той причине, что во многих из них содержится негативная информация о роли крымских татар в период оккупации (например, зверства против мирного нетатарского населения). Как правило, они мотивируют это тем, что подобные материалы начали собираться (и даже фабриковаться), чтобы документально оправдать депортацию. В данном случае можно спорить о подлинности событий, которые описаны в послевоенных воспоминаниях, но, на наш взгляд, сомневаться в документах периода войны можно только с некоторой погрешностью. И документы о крымско-татарских коллаборационистских формированиях здесь не исключение⁹.

Проанализировав находящуюся в ГААРК информацию, можно прийти к выводу, что архивные фонды и по сей день является главнейшим источником информации по проблеме военного коллаборационизма. Что же касается крымского аспекта этой проблемы, то этот источник, пожалуй, один из немногих доступных для отечественного исследователя.

Также, из сказанного выше видно, что эти материалы относительно многочисленны, отличаются по количеству и качеству информации и обладают рядом несомненных достоинств:

1. Некоторые, из перечисленных документов, весьма ценны в силу своей уникальности (например, подлинные документы немецких военно-политических органов и материалы из среды некоторых коллаборационистских формирований);

2. По ряду спорных моментов истории Крыма периода оккупации, документация фондов ГААРК представляется более чем достаточной (например, по вопросу о крымско-татарском военном коллаборационизме).

Однако есть и причины, которые снижают ценность этих материалов:

1. Все документы разбросаны по нескольким фондам, из описей которых только с трудом можно догадаться об их наличии в том или ином деле;

2. Спорность информации, содержащейся в них. Главным образом это касается самой большей части – сообщений, отчетов и т.п. документации партизан и подпольщиков. В целом, достоверность информации из этого источника, можно, по некоторым аспектам, поставить под сомнение, вследствие того, что многие «народные мстители» были людьми гражданскими и не были знакомы с организацией и структурой вооруженных сил, и, тем более, германских. Они не знали, что коллаборационистские формирования являлись, по сути, самостоятельной категорией Вермахта и войск СС – все их члены были для них «власовцами» и т.п. Поэтому, информацию, содержащуюся в этих документах, желательно перепроверять по другим источникам. Кстати, то же самое можно сказать и о документах, вышедших из среды коллаборационистов;

3. Одним из положительных моментов, отличающих данный комплекс материалов, является то, что наряду с немецкими трофейными документами имеется и их перевод на русский язык. Но зачастую он выполнен неточно и без знания немецкой военно-политической терминологии.

Тем не менее, указанные недостатки не снижают общей научной ценности данного комплекса документов. В принципе, главной причиной этих недостатков является то, что тема

военного коллаборационизма была в Советском Союзе под запретом, и поэтому создавать благоприятные условия для ее изучения никто не собирался. Теперь же, когда стало ясно, что данная проблема является, хоть и трагической, но неотъемлемой страницей истории Второй мировой войны, создавать такие условия, на наш взгляд, необходимо. И делать это следует не только из научных соображений. Как показали события в некоторых республиках бывшего СССР, общественно-политическая актуальность изучения проблемы коллаборационизма также несомненна.

Примечания:

¹ Информация о полных названиях указанных фондов и количестве единиц хранения в них находится: Архіви окупації. 1941-1944 / Упоряд. Н. Маковська. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. – С. 71-86.

² См., например: Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК), ф. П-151, оп. 1, д. 26, 391; ф. П-156, оп. 1, д. 26.

³ См., например: ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 2185; ф. П-151, оп. 1, д. 28, 390, 392; ф. П-156, оп. 1, д. 24-27, 31, 173-а, 158; ф. Р-1457, оп. 1, д. 3; Р-1458, оп. 1, д. 1, 2.

⁴ См., например: ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 2185; ф. П-151, оп. 1, д. 28, 30, 34, 505; ф. П-156, оп. 1, д. 40, 51, д. 173-а.

⁵ ГААРК, ф. П-151, оп. 1, д. 312.

⁶ Вообще же фонд прессы Крыма времен оккупации представлен только двумя коллаборационистскими изданиями – это газеты «Голос Крыма» (орган Симферопольского городского управления) и «Azat Kırım» (орган симферопольского Мусульманского комитета). Оба органа содержат интересную информацию по проблеме военного коллаборационизма (главным образом, о РОА и крымско-татарских подразделениях). Однако их анализ уже был проведен автором и не входит в задачи данной публикации. Более подробно об этом см.: Романько О. З історії колабораціоністської періодичної преси в Криму в окупаційний період (1941-1944 рр.) // Українська періодика: історія і сучасність: Доп. та повідомл. восьмої Всеукр. наук.-теорет. конф., Львів, 24-26 жовт. 2003 р. – Львів, 2003. – С. 165-169.

⁷ См., например: ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 2203; ф. П-151, оп. 1, д. 26-28, 505; ф. П-156, оп. 1, д. 25, 40.

⁸ ГААРК, ф. П-151, оп. 1, д. 388; ф. П-156, оп. 1, д. 41.

⁹ См., например: ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 2160, 2185; ф. П-151, оп. 1, д. 388, 391, 505; ф. П-156, оп. 1, д. 26, 31, 37, ; ф. Р-652, оп. 24, д. 16, 24.

Oleg Romanko

***Archival documents of the Record office in Autonomous Republic
Crimea as a source on issue of military Collaboration of soviet citizens
in the years of Second World War***

In the article the complex of archival documents from the Record office in Autonomous Republic Crimea, devoted the problem of military collaboration of soviet citizens in the years of Second World War is considered. An attempt to systematize these documents, describe them and analyse a subject is firstly undertaken.

Keywords: *Record office in Autonomous Republic Crimea, archival documents, military collaboration, soviet citizens, Second World War.*

Надійшла до редколегії 30.10.2011 р.